

проявились наиболее интересные стороны его дарования. Он исполнял главные роли в «Семнадцати мгновениях весны», «С позинной», «Служебном романе», «Долгожданном». Но это никак не говорило о закреплении в амплуа театрального «героя». С большим желанием он берет за острохарактерные, нередко комедийные роли, и именно на этом пути ему удается добиваться очень убедительных свершений.

В двух пьесах, созданных нашими ведущими комедиографами Э. Брагинским и Э. Рязановым, роли у него

по пьесе белорусского драматурга А. Петрашкевича Соколовский играет прокурора Размысловича. Это — тот самый человек, который проявил сухость и равнодушие к трагедии, разыгравшейся в маленькой деревне Добренево. Произошла «дуэль на тракторах» — и суди виновных так, чтоб другим неповадно было! Тем более приказ такой получен от начальства, чтоб осудить «на полную катушку». Но искренность и горячая заинтересованность в этом процессе молодой судьи Нины Зубрич не могут не повлиять на Размысловича. Мы видим, как постепенно снижается обличительный пафос, сомнения начинают подтачивать непоколебимую уверенность. Снова мысль о справедливости зазвучала в образе, созданном Соколовским на этот раз на материале отнюдь не улыбочивом, а суровом.

Одновременно Николай Георгиевич выходил на сцену в другой роли. В спектакле по драме Г. Ибсена «Нора» он создал скорбный образ доктора Ранка. Актер намеренно притушил некоторые краски в обрисовке своего героя. В спектакле обойдена его неприязнь к скромной труженице Кристине, которая, по убеждению Ранка, отнимает у него последние часы, которые он мог бы провести наедине с Норой. Но образ выиграл в цельности. Светлой печалью овеяны сцены лирического объяснения Ранка и Норы. Эти эпизоды-аллегии как бы пронизаны грустной музыкой расставания с мечтами, самой жизнью, хотя их изящество, утонченность отнюдь не смягчают социального пафоса образа Ранка, обличения безразличного общества, где дети расплачиваются за беспутную и порочную жизнь своих родителей.

Одна из последних работ Николая Георгиевича — Рохас в спектакле по пьесе лауреата Ленинской премии Г. Боровика «Комендантский час». Его герой совсем мало бывает на сцене. Где-то в задней комнате дома, осажденного сторонниками хунты, ему суждено терпеть страдания от ран и умереть, так и не выдав себя даже стоном. Но и те минуты, которые зритель был вместе с этим чилийским коммунистом, помогли понять и пережить многое. Мы увидели физически страдающего, но не сломленного человека. Не чувство отчаяния и безысходности, а веру в победу справедливости рождал этот образ.

Сейчас в театре готовятся к творческому вечеру, посвященному 50-летию Николая Георгиевича Соколовского. Очевидно, его друзья-артисты вспомнят на вечере не только о его сценических ролях, но и большой общественной работе. Он — член правления Марийского отделения ВТО, постоянно участвует в различных шефских комиссиях, с готовностью откликается, когда нужно поехать на концерт-встречу с рабочими или колхозниками.

«Абсолютный слух» драматического актера складывается из многих факторов. В них всегда распознаешь и высокий профессионализм, и высокие гражданские качества.

В. ПОМОРЦЕВА,
зав. литературной
частью Республиканского
русского драмтеатра.

Штрихи к творческому портрету

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

КАК ВСЕГДА, вовремя раздались звонки, вовремя разошелся занавес и софиты осветили сцену: доверчиво распахнутые окна московской квартиры, за ними — старая церквушка, доживающая свой век по соседству с высотными домами... «Долгожданный» уже не был премьерным спектаклем. Его много раз играли в Йошкар-Оле и на выездях. И только те, кто работал в театре, в этот вечер волновались гораздо больше обычного.

Свободные от репетиции актеры то и дело тихо заходили в зал. Здесь же, среди публики, был не только режиссер, но и работники технических цехов. Они знали, что спектакль поставили в расписание после долгих колебаний. Заболел исполнитель заглавной роли. Надо было за два дня подготовить другого актера. На театральном языке это называется срочным вводом, и прибегают к нему лишь в самых крайних случаях, если уверены, что можно рассчитывать на высочайший профессионализм исполнителя: его умение не только быстро выучить слова роли, но и ощутить себя «своим» в сложившейся жизни спектакля.

На этот раз заменить заболевшего довелось Николаю Георгиевичу Соколовскому. В том, что именно ему доверили этот ввод, не было ничего случайного. Учитывался и большой его опыт (более 30 лет отдано театру!), и преданнейшее отношение к работе.

И вот теперь Николай Георгиевич вышел на сцену в роли Якова Мытникова. Никто из зрителей, конечно, не знал, чего стоили ему эти три дня, за которые пришлось освоить новую большую роль; как помогали ему товарищи; как с женой Розалией Кирилловной они по долгу прослушивали записанные на пленку реплики и монологи...

В Йошкар-Олу Николай Георгиевич Соколовский приехал, когда в его творческой судьбе были уже годы, отданные работе в театрах Пскова, Риги, Астрахани, было много ролей в спектаклях классического репертуара, в современных советских пьесах. И все-таки можно без преувеличения сказать, что в нашем театре

почти одинакового плана. Видимо, авторам так понравился образ незадачливого, чудаковатого, но доброго и честного человека, что после «Служебного романа» они создали своеобразный сценический вариант этого образа в «Родственниках». Артисту нелегко избежать повторения, играя в обоих спектаклях. Но разве можно исчерпать эту тему — тему доброты и человеческого благородства, светлого простодушия.

Чудаковатых героев Соколовского можно представить в самых разнообразных комических ситуациях. Они могут стирать и штопать; путаться в словах, объясняясь в любви, даже лишнюю рюмку хватить, чтоб уверенности прибавилось. Авторы щедро придумывают для них смешные положения и дают возможность зрителям дорисовать самим все, что может случиться с такими милягами-неудачниками. Однако совершенно исключается при этом единственное: способность в чем-то сфальшивить, сподличать. У них «абсолютный слух» на то, чтобы отличить добро от зла. Именно такие чудaki способны с кулаками (в самом буквальном смысле!) постоять за поправную справедливость.

Но актер умеет тонко показать и ложное простодушие. Как важно для современного зрителя понять, что коварство, корысть нередко прячутся под личину простоты. Князь Василий Шуйский из трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», пожалуй, самый тихий в шумном лагере противников Годунова. С каким уважительным вниманием слушает он своего воинственного дядю. Вроде больше других сочувствует закипающему заговору, но он — почти единственный среди Шуйских, кто уцелел в жестокой и нетерпеливой борьбе, бушующей у русского престола. Соколовский хорошо показал внешнюю неприметность, простоту лукавого царедворца, его умение держаться в тени, чтобы потом, когда горячие головы погубят себя, использовать открывшуюся возможность власти.

Однако чаще всего актер не так категоричен с «изничтожением» своего персонажа. В спектакле «Тревога»